

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ Н. А. БЕРДЯЕВА: ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Глазков Александр Петрович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Невежин Дмитрий Олегович, магистрант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: newezhin.oleg@yandex.ru

В статье рассматривается теологический аспект осмысления идеи свободы видного российского религиозного философа Н. А. Бердяева. Исследование теологического измерения философии свободы открывает возможность провести идентификацию творчества мыслителя и расширить круг проблемных вопросов, которые могут возникнуть при теоретической разработке ключевых моментов его мировоззренческой системы. Учёт теологического аспекта также может стать одним из критериев классификации религиозных философских направлений. При анализе философии свободы Н. А. Бердяева был обнаружен чётко выраженный теологический уровень её проблематики. Свобода является ключевой категорией в его философской системе и соотносена с метафизическим её пониманием. Свобода трансцендентна и раскрытие её смысла требует специфического теологического понятийного аппарата и инструментария. Особую роль при её концептуальном осмыслении играет вера, которая соответствует теологическому способу познания. В разработке концепции свободы русский философ переходит грань, отделяющую собственно философию от теологии, и вступает в поле теологической мысли. Вместе с тем теология свободы Н. А. Бердяева выходит за пределы христианской догматики и сближается с гностицизмом немецкого мистика Я. Бёме. В этой связи теология свободы Н. А. Бердяева может быть обозначена как философская и интуитивистская.

Ключевые слова: Н. И. Бердяев, религиозная философия, теология, теология свободы, гностицизм, Я. Бёме, метафизика

BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF FREEDOM: THE THEOLOGICAL ASPECT

Glazkov Alexander P., D. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: alpglazkov@yandex.ru

Nevezhin Dmitry O., undergraduate student
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: newezhin.oleg@yandex.ru

The article deals with the theological aspect of understanding the idea of freedom by the prominent Russian religious philosopher N. A. Berdyaev. The study of the theological dimension of the philosophy of freedom makes it possible to identify the creativity of the thinker and expand the range of problematic issues that may arise in the theoretical development of the key points of his worldview system. Taking into account the theological aspect can also become one of the criteria for classifying religious philosophical trends. When analyzing the philosophy of freedom of N. A. Berdyaev was discovered a clearly expressed theological level of its problems. Freedom is a key category in his philosophical system, and correlated with its metaphysical understanding. Freedom is transcendental and the disclosure of its meaning requires a specific theological conceptual apparatus and tools. A special role in its conceptual comprehension is played by faith, which corresponds to the theological method of cognition. In developing the concept of freedom, the Russian philosopher crosses the line that separates philosophy itself from theology and enters the field of theological thought. At the same time, Berdyaev's theology of freedom goes beyond Christian dogmatics and approaches the Gnosticism of the German mystic J. Boehme. In this regard, the theology of freedom N. A. Berdyaev can be designated as philosophical and intuitive.

Keywords: N. I. Berdyaev, religious philosophy, theology, theology of freedom, Gnosticism, J. Boehme, metaphysics

Н. А. Бердяев является одним из ярких представителей российской религиозной философской мысли XIX – первой половины XX в. В своих трудах он затрагивает множество проблем, с которыми сталкивается человек, осмысляющий своё бытие в этом мире. Одной из таких проблем, которая имеет фундаментальное значение для человеческого самосознания, является понимание свободы. Свобода является существенной характеристикой человека. Обладая свободой,

он выделяется тем самым из мира живых существ и строит свой собственный мир. Для философии Н. А. Бердяева свобода становится основополагающей категорией, вокруг которой выстраивается достаточно сложная теоретическая система, в свете которой осмысливаются и другие процессы, связанные с человеком и человеческим обществом.

Понятие религиозной философии требует отдельного разъяснения. Соединение религии и философии имеет глубокие исторические корни. Само возникновение философии было связано с осмыслением вопросов, которые имеют также и религиозное измерение, благодаря которому философия приобрела теологическую тематику. В то же время философия и теология не совпадают между собой – это два различающихся вида знания. Концептуальное разграничение теологии и философии представляет собой важную теоретическую задачу, решение которой имеет значение для выделения философских направлений и обоснования типологизации религиозной философии. В русской религиозной мысли проблема соотношения философского и теологического встречается довольно часто. В качестве примера достаточно вспомнить книгу создателя «неопатристического синтеза» Г. В. Флоровского «Пути русского богословия», в которой осмысливается развитие русской религиозной философии. Одна из глав в этой книге имеет характерное название – «Философское пробуждение».

Предполагается, что содержание понятий «религиозная философия» и «теология» не совпадают. Различаются они прежде всего своим предметом. Если в центре внимания теологии лежат вопросы, которые мы можем отнести к познанию Бога и божественной сферы, то философские вопросы выходят за пределы этого круга. Ещё один момент, который тоже можно предварительно отметить, – это способ познания своих предметов исследования. Если философия использует логику, исходные принципы которой, получены в процессе рассуждения, то теология опирается на веру в истины Священного Писания. В то же время теология может философствовать, т. е. использовать логику при разъяснении и систематизации полученных через веру истин.

В этой связи представляет интерес рассмотреть философское осмысление Н. А. Бердяевым свободы, и выявить, если так можно выразиться, внутренний механизм, соединяющий и одновременно разъединяющий философию и теологию. На примере этой ключевой для русского философа проблемы попытаемся уточнить границы и содержательное различие между понятиями религиозной философией и теологией.

Н. А. Бердяев феномен свободы кладёт в основу своей философии. Он рассматривает его не как явление, а как онтологическое начало, фундамент и основу истинного, творческого существования человечества. Свобода рассматривается им как первоначало: «Свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать» [4, с. 12]. Очень важное замечание самого Н. А. Бердяева о том, что в основе его понимания свободы лежит религиозный опыт, поэтому это «философия религиозная», «философия интуитивная». Философ отделяет свою «христианскую метафизику» от западной «философии рационализма». Религиозная философия определяется им как «трансцендентный порыв», через который душа человеческая соединяется с «вселенской душой». Религия глубже и шире, чем философия. Бердяев утверждает, что «философия не может обойтись без религии, религия нужна ей как пища, как источник живой воды» [4, с. 20]. Философия есть лишь функция религиозной жизни. Как пишет русский философ: «Религия есть жизненная основа философии, религия питает философию реальным бытием» [4, с. 20]. Без религиозной основы философия превращается в тупиковый «отвлечённо-рационалистический путь», для которого свобода не характерна. Тема свободы у Бердяева тесно переплетена с темой личности, так как только ей присуще интуитивный путь познания. Что бы обрести свободу нужно уйти прежде всего от парадигмы «философского и гностического рационализма» и обрести «мистическое восприятие», которое как раз может дать только религиозный опыт. Лишь мистика освобождает, по мнению философа, от тупика западного отвлечённого рационализма. Рационалистическая основа философии призрачна и бессильна: «Ни природа реальности, ни природа свободы, ни природа личности не могут быть постигнуты рационалистически, идеи эти и предметы эти вполне трансцендентны для всякого рационалистического сознания всегда представляют иррациональный остаток» [4, с. 20].

От мнимой свободы, которая даёт рационалистическая философия, личность может придти к реальной свободе в результате своей трансцендентности. Рационализм закрывает от личности эту трансцендентность, путь к достижению понимания, способность постигать начала бытия интуитивно, отчуждается возможность к творческому раскрытию личности через «трансцендентный порыв». Если человек не придёт к «мистическому реализму» через «мистическое восприятие», то он лишит свободы свою личность, не давая её дальнейшего развития. Н. А. Бердяев пишет: «Современная философия – философия иллюзионистическая по преимуществу, её гносеология отвергает не только реальность отношения к бытию, но и само бытие, лишает человека изначального сознания свободы, свободы безмерной и бесосновной, разлагает личность на дробные части, отвергая её изначальную субстанциональность» [4, с. 21]. Так как такая философия не имеет возможности

решить одну из главных задач человечества – обретение свободы на онтологическом уровне, то поэтому Бердяев предлагает обратиться к христианской метафизике. Русский религиозный философ пишет: «Только христианская метафизика утверждает реальность бытия и реальность путей к бытию, постигает великую тайну свободы, ни на что не разложимой и ни к чему не сводимой, и признаёт субстанцию конкретной личности, заложенной в вечности» [4, с. 22]. В данном случае речь идёт об интуитивном, свободном и теологическом по своей сути мистическом гнозисе, который противопоставляется рационалистической философии. Бердяев пишет: «Лишь в мистическом гнозисе христианства всё это дано и нигде более. Христианский гнозис приводит к трансцендентному реализму, к конкретному персонализму, к философии свободы. Свобода, прежде всего свобода – вот душа христианской философии и вот что не даётся никакой другой, отвлечённой и рационалистической философии» [4, с. 22]. Этот христианский гнозис имеет мало общего с реальным христианским теологическим гнозисом, который связан со Священным Писанием и предполагает веру и известный догматизм. О. А. Пашкова замечает, что «в своей религиозной жизни мыслитель исходил из личного переживания чувства свободы, не имеющего точек соприкосновения с православными догматами. В итоге он объявил себя представителем “свободной религиозной философии” (свободной, в данном случае, от православной догматики)» [7, с. 272]. Догмат для Бердяева есть ограничение, а философ не может быть свободным мыслителем, когда его ум ограничен чем-то. Необходимо снять все ограничения. Благодаря этому акту свободы расширяется до безграничности возможности разума. Философ противопоставляет «малый разум» «большому разуму». Малый разум ограничен, приземлён, заключает себя и ограничивается логикой и рационализмом. Большой разум иррационалистичен, интуитивен, трансцендентен, и «отречением от малого разума, преодолением ограниченности логики обретается разум большой, входит в свои права Логос» [4, с. 35]. Согласно нашей предварительной схеме, это есть переход от рациональной философии к религиозной по своей сути метафизике или философской теологии. Как пишет В. В. Фролов: «Религия питает философию лишь постольку, поскольку связывает её со вселенским, космическим разумом. Этот разум олицетворяется в Логосе, который согласно многочисленным религиозным, философским и научным источникам представляет собой воплощение законов космоса» [8, с. 117]. И продолжает: «В сущности философия опирается на знание. Но знание это высшего порядка, знание самой глубокой сущности. Оно не частично, а универсально и опирается не на логику, а на интуицию» [8, с. 117]. Философия должна иметь источником религию, и этот источник дается только через религиозный опыт. Логос познается не через отвлечённые категории и понятия жизни, но самой жизнью, через жизненный опыт. И как нужно заметить ещё раз, этот опыт интуитивен, разрывающий «рационализм, позитивизм и критицизм». Бердяев выходит в своей концепции к такому понятию, как «религиозный реализм», для него философия, которая основана на рационализме, уже нереалистична, необъективна и прозрачна и не представляет онтологического интереса. В свободной философии личность достигает познания истины. Итак, Н. А. Бердяев выстраивает свою концепцию свободы на религиозной основе, причём сама же свобода играет решающую роль в достижении истинной религиозности. В этом случае свобода уже приобретает теологическое измерение. Как уже выше говорилось, теология опирается на веру, и в этой связи необходимо рассмотреть, каким образом Бердяев связывает веру и свободу. Это отношение выражается философом через соотношение веры и знания. В конечном итоге философ приходит к выводу: «Знание принудительно, вера свободна» [4, с. 45]. Знание есть область видимых вещей, и мы вынуждены принимать их, иметь о них знание. Не в нашей власти принимать видимую вещь или не принимать, у нас нет здесь свободы выбора. Вера же требует волевого акта человека. Чтобы воля пришла в действие, человек должен сначала предстать перед выбором, что предполагает свободное произволение. То есть, чтобы проникнуть в мир невидимых вещей, необходимо сначала свободно избрать это путь. Именно волевой акт стоит в основе свободы, поэтому, как пишет Н. А. Бердяев: «Разгадки двойственности мира этого и мира иного, вещей видимых и вещей невидимых нужно искать в тайне нашей умопостигаемой воли» [4, с. 51].

Чтобы постичь знание видимого мира достаточно «активность одного лишь интеллекта», но чтобы проникнуть в мир невидимый «нужна активность всей человеческой природы» [4, с. 51]. Чтобы поверить какому либо знанию видимых вещей, нужны обязательно доказательства. Но чтобы поверить в невидимые вещи, вера не сможет дать никаких гарантий. Нужен «акт свободной любви», в котором не нужны никакие доказательства и гарантии. Для человека рационального поверить в недоказуемую вещь есть безумие. Поэтому Бердяев, рассуждая о «психологической противоположности знания и веры», приходит к выводу о свободе волевого акта веры. Он пишет: «Знание носит характер насильственный и безопасный, вера – свободный и опасный» [4, с. 51–52]. Опасный потому, что человек стоит перед пропастью неведомого ему мира, и без всяких доказательств, должен совершить волевой акт веры, основанный на свободе выбора. Вера предполагает

свободу, так как мы выбираем, поверить нам или нет. Там, где существует доказательства, там мы приходим к знанию вещи насильственно.

Н. А. Бердяев подчёркивает ограниченность научного познания. Он пишет: «Наука открывает внешнюю закономерность природы, функциональную связь одного явления с другим. Но эта связь причины со следствием остается для науки неосмысленной, неразумной. Осмыслить связь причины со следствием, очевидно, можно только изнутри, лишь под другим углом зрения. Научному пониманию мира в категории причинности открывается в мире только закономерность и необходимость, но не открывается в мире разум, смысл» [4, с. 64]. Для научного знания, по его мнению, соотношение причины со следствием является тайной, потому что природа причинности является метафизической, куда не может заглянуть наука. Метафизика же есть область философии и религии или, как мы можем заметить, – философско-теологической. Поэтому Бердяев хочет охарактеризовать эту причинно-следственную связь на метафизическом уровне с точки зрения, опять же, свободной воли и как «творческий акт живого существа» [4, с. 65].

Таким образом, категория свободы, по мысли Бердяева, трансцендентна и имеет своё основание в метафизике, которую он связывает внешне с религиозным христианским гнозисом. Характер этой связи с христианством проявляется на обобщённых в понятиях некоторых его ключевых идей, источником которых является Священное Писание. Это достаточно хорошо проявляется в философии истории Н. А. Бердяева и определении им смысла истории, который «есть вопрос об происхождении зла в мире, о предмирном грехопадении и об искуплении» [4, с. 127–128]. Учение об этих вещах присутствуют в качестве ключевых моментов в христианской теологии. Теологические по сути рассуждения философа об этих понятиях имеют достаточно вольный характер и совпадают с догматическим богословием христианской религии лишь отчасти. Смысл истории по Бердяеву – это обретение человечеством свободы. То, что философ мыслит о свободе в личной онтологии, он переводит в общественное и, соответственно, историческое измерение. Освобождение человека мыслится им исторически как освобождение от зла. Происхождение зла у Бердяева имеет теологическое объяснение – это «предмирное грехопадение», смысл которого может быть понят только через «религиозное откровение». Через первородный грех мир приходит с состояния оторванности от своего Творца, рождается время и смерть. Мир приходит в состояние болезненности и смертности, становится материальным и тяжёлым. Свобода духовна, её невозможно вывести и из материального мира. Она – трансцендентное начало, познаётся через метафизическое восприятие. Человеческий дух находится в плену. Плен – это есть мир вещественный, мир необходимости. Для Бердяева мир призачен, он лишь порождение первородного греха. Человеку нужно освободиться от этой гнетущей мировой данности и необходимости, потому что «мир» есть зло, он безбожен и не Богом сотворён. Освобождение от зла есть освобождение от рабства этому миру. Эту мысль Н. А. Бердяева ёмко выразил Н. О. Лосский: «Возрождение падшего человека означает его освобождение от природы, созданной объективирующим процессом; оно означает победу над рабством и смертью, понимание личности как духа, как существование, которое не может быть объектом и не может быть выражено общими идеями» [6, с. 306]. Человечество свободно участвовало в грехопадении, и оно за него в ответе. Однако человечество имеет шанс искупления, и всё зависит от того, как каждый индивид теперь воспользуется своей свободой.

Путь к освобождению лежит через творчество, деятельность, которая наиболее близка к свободе. Освобождение от этой мирной данности и необходимости философ понимает как акт творчества. Понятие свободы у Бердяева тесным образом связано с творчеством. Философ отождествляет эти два понятия, утверждая, что свобода это и есть творчество, свободная энергия есть энергия творческая. Русский философ пишет: «Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит» [6, с. 368]. Эти потоки свободной творческой энергии рождаются внутри человека, они по слову философа ничем не детерминированы, именно «первичная иррациональная свобода» не может ничем быть детерминирована. Бердяев пишет: «Свобода восходит не к природе, а к Божьей идее и к бездне, предшествующей бытию. Свобода коренится в «ничто». Первичен акт свободы и вполне иррационален» [2, с. 91]. Получается, что это ничто «первичнее» Бога. Как замечает К. Ю. Казаченко: «Бердяев утверждает, что есть некоторая метафизическая сущность, трансцендентная самому Богу. Эта сущность, называемая Бердяевым *Ungrund* есть потенциально сверхбожественный меон, меоническая свобода, Богом не сотворенная и ему не подвластная» [5, с. 111]. Эта сущность, как замечает Н. О. Лосский, есть «ничто», «первична по отношению к добру и злу» [6, с. 302], который Бердяев определяет как Перво-Божество, которое есть «Сверх-Сущее». Оно первичнее, глубже, чем Бог, «выше всех Лиц Троицы». Основывает это учение Бердяев на мистической теологии Я. Бёме об *Ungrund'e*, и связывает это учение с учением о свободе. Философ пишет: «Всё учение Бёме об *Ungrund'e* так переплетается с учением о свободе, что их невозможно разделить, это одно и то же учение. И я склонен истолковывать *Ungrund*, как изначальную, не детерминированную даже

Богом меоническую свободу» [1, с. 57]. Таким образом, учитывая такую глубокую теологическую по сути глубину погружения в религиозный аспект свободы, можно сказать, что «философия свободы» у Бердяева может быть названа «теологией свободы». При этом сам Бердяев отделяет свою теологию от теологии догматической. Обозначая её как религиозную философию, он «освобождает» её от догматической «несвободы», которая, по его мнению, ведёт к агностицизму и тем самым сближает свою религиозную философию к теологии гностицизма, свободную от христианских догматов. Как замечает русский мыслитель: «Теология разом и слишком далеко заходит в рационализации божественных тайн и слишком рано провозглашает запрет для познания, утверждает агностицизм» [1, с. 57–58]. Как мы видим, свобода, которая у Н. А. Бердяева обретает теологическое по сути истолкование ставится им во главу угла всего его философского мировоззрения. Если свобода первична, стоит в онтологическом основании всего сущего и даже Бога, то она должна быть положена и в основу всяких философских исканий.

Таким образом, религиозная философия Н. А. Бердяева достаточно сложна и теологична по своей сути. Она включает в себя, если так можно выразиться, различные теологические «фрагменты». Речь идёт об измерении осознания фундаментальных для философии русского философа оснований. Бердяев создаёт свою оригинальную интуитивную теологию, свою версию божественности, которая входит составной и органичной частью в его религиозную философию.

Религиозная философия сосредотачивается на вопросах нетеологического круга проблем, но в своих выводах и рассуждениях опирается на веру в Бога и реальность божественного мира. В этом смысле она неизбежно переходит к теологической тематике. Если религиозная философия смещает свой ракурс в сторону вопросов, имеющих фундаментальное значение и выходящих за пределы бытия – самой общей категории философии, то в этом случае религиозная философия приобретает теологический характер и вступает на путь теологии. Тогда вопрос, который ею рассматривался, приобретает теологическое измерение. Это мы и видим на примере «философии свободы» известного русского религиозного мыслителя Н. А. Бердяева. Для Н. А. Бердяева таким фундаментальным вопросом является вопрос свободы. Поэтому вполне корректно говорить о «теологии свободы» Н. А. Бердяева. Теология Н. А. Бердяева не относится к христианской воцерковленной теологии Откровения, она является философской теологией, которая больше соответствует метафизике в первоначальном смысле этого слова, соответствующей теологии – «первой философии» Аристотеля. В этом смысле с точки зрения христианской философии он делает шаг назад, отступая к дохристианским истокам философской теологии.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Undgrund'e и свободе / Н. А. Бердяев // Путь. – 1930. – № 20. – С. 47–79.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев // Философия свободного духа. – Москва : Республика, 1994. – С. 14–228.
3. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества. – Москва : Правда, 1989. – С. 252–580.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – Москва : Правда, 1989. – С. 12–250.
5. Казаченко, К. Ю. О трансцендентной свободе в философии Н. А. Бердяева / К. Ю. Казаченко // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. – С. 110–121.
6. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – Москва : Высшая школа, 1991. – 559 с.
7. Пашкова, О. А. Проблема свободы в русской религиозной философии / О. А. Пашкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». – 2013. – № 16 (159), вып. 25. – С. 268–275.
8. Фролов, В. В. Проблема свободы в философии Н. А. Бердяева / В. В. Фролов // Лесной вестник. – 2003. – № 4. – С. 116–130.

References

1. Berdyayev, N. A. Iz etyudov o Ya. Beme. Etyud I. Uchenie ob Undgrund'e i svobode [From the sketches on J. Boehme. Etude I. The doctrine of Undgrund and freedom]. *Put [Way]*, 1930, no. 20, pp. 47–79.
2. Berdyayev, N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 14–228.
3. Berdyayev, N. A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 252–580.
4. Berdyayev, N. A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 12–250.
5. Kazachenko K. Yu. O trantsendentnoy svobode v filosofii N. A. Berdyayeva [On transcendent freedom in the philosophy of N. A. Berdyayev]. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya of the Tula State University. Humanities], 2019, no. 2, pp. 110–121.
6. Loskiy, N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 559 p.

7. Pashkova, O. A. Problema svobody v russoy religioznoy filosofii [The problem of freedom in Russian religious philosophy] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Pravo"* [Scientific statements of Belgorod State University. Series "Philosophy. Sociology. Right"], 2013, no. 16 (159), iss. 25, pp. 268–275.

8. Frolov, V. V. Problema svobody v filosofii N. A. Berdyayeva [The problem of freedom in the philosophy of N. A. Berdyayev]. *Lesnoy vestnik* [Forest Bulletin], 2003, no. 4, pp. 116–130.

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ А. ШЮЦА В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Милых Александр Олегович, аспирант

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Ломоносовский, 27, корп. 4

E-mail: books-93@mail.ru

В статье исследуется возможность применения теоретических постулатов концепции интерсубъективности Шюца к конкретной проблеме анализа специфики коммуникации в условиях современных информационных технологий. Приведена авторская классификация основных принципов сетевого общения. Показано, что потребность соотношения сообщения с конкретным адресатом коммуникации (индивидом, группой) как базовой характеристики «социального действия» значительно снижается в условиях сетевой коммуникации, поскольку на каждый текст находится своя аудитория. Однако принципы сетевого поведения, сгруппированные по критерию успешного актора, а именно генерация иллюзии постоянного присутствия, открытость, персонификация, имеют прямое отношение к предложенной Шюцем концепции интерсубъективности. Рассмотренные в статье виды действия (рациональное, аффективное, традиционное, суггестивное) соотношены с современными стратегиями поведения индивидов в сетевой коммуникации через единую матрицу психических процессов, известных нам в настоящем: мышление, воля, перцепция, аффект. На основании приведённой матрицы получен спектр коммуникативных актов в парадигме «воздействия» в сетевом общении. Таким образом, получен вариант социологической модели эффективной интерсубъективной коммуникации, влияющей на сетевое общение. Дополнительно данный способ анализа позволяет выявлять контрарные или комплементарные отношения между участниками коммуникации, что также подтверждает существование большого потенциала исследования интерсубъективности.

Ключевые слова: А. Шюц, коммуникативное действие, рациональное действие, аффективное действие, традиционное действие, суггестивное действие, интерсубъективность, сетевое общение, убеждение, мышление, воля, перцепция, аффект

A. SCHUTZ'S INTERSUBJECTIVITY CONCEPT IN THE CONTEXT OF NETWORK COMMUNICATION

Milykh Alexander O., graduate

Lomonosov Moscow State University

27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation

E-mail: books-93@mail.ru

The article examines the possibility of applying the theoretical postulates of Schutz's intersubjectivity concept to the problem of analyzing the communication specific in the context of modern information technologies. The author's classification of the basic principles of network communication is given. It is shown that the need to correlate a message with a specific addressee of communication (an individual, a group) as a basic characteristic of "social action" is significantly reduced in conditions of network communication, since each text has its own audience. However, the principles of network behavior, grouped according to the criterion of a successful actor, specifically: the generation of the illusion of constant presence, openness, personification, are directly related to the intersubjectivity concept proposed by Schutz. The types of actions considered in the article (rational, affective, traditional, suggestive) are correlated with modern strategies of behavior of individuals in network communication through an identity matrix of mental processes known in the present: thinking, will, perception, affect. On the given matrix basis, a spectrum of communicative acts was obtained in the paradigm of «impact» in network communication. Thus, the variant of the sociological model of effective intersubjective communication influencing network communication has been obtained. In addition, this analysis method makes it possible to identify contradictory or complementary relationships between participants of communication, which also confirms the existence of a great potential for the study of intersubjectivity.

Keywords: A. Schutz, communicative action, rational action, affective action, traditional action, suggestive action, intersubjectivity, network communication, conviction, thinking, will, perception, affect

Историческая значимость концепций *Альфреда Шюца* (1899–1969) и их современная актуальность, по нашему мнению, обусловлены тремя обстоятельствами:

1. Ясностью мысли, чёткостью изложения, которые отличают научное наследие данного автора; системностью организации материала, где каждый обозначенный им постулат находит своё место в целостном представлении социологического, социально-философского знания.